

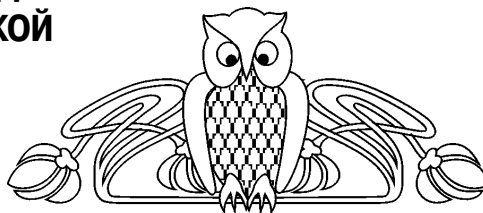

УДК 821.134.2(7/8).09+929

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ДОЖДЬ» В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.В. Красовская

Саратовский государственный университет,
кафедра романской филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

Культурный концепт «дождь» как единица национальной концептосферы и одна из «констант» латиноамериканской культуры сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические признаки испаноязычной лингвокультуры Латинской Америки. Вербализованный в текстах художественных произведений, он приобретает некоторые особенности, выделяющие его из совокупности культурных концептов. В статье автор предлагает описание образной составляющей художественного концепта «дождь» на материале латиноамериканского романа «магического реализма» XX в.

Ключевые слова: культурный концепт, национальная концептосфера, испанский язык, литература Латинской Америки, магический реализм.

Some Peculiarities in the Meaning of the Concept «Rain» in Latin American Literature

N.V. Krasovskaya

Cultural concept «rain» as a unit of national sphere of concepts and a constant of Latin American culture, combines natural, geographical, everyday, religious, etc., characteristics of Hispanic linguistic culture of Latin America. When verbalized in fiction, it acquires certain peculiarities that distinguish it from other cultural concepts. The article describes the imagery of the cultural concept «rain» on the materials of Latin American XX century «magic realist» novel.

Key words: cultural concept, national sphere of concepts, Spanish language, Latin American literature, magic realism.

Картина мира у каждого народа имеет свои этноспецифические особенности; они отражаются в языке, его структуре, ассоциациях, оценках, в содержании и строении базовых концептов.

Любая культура может быть исследована и описана при помощи ключевых слов языка, обслуживающего данную культуру. Эти слова означают культурные концепты, представляющие ядерные ценности лингвокультурного сообщества.

В испаноязычной культуре Латинской Америки концепт «дождь» является одним из культурных концептов и по праву относится к категории «констант», т.е. «концептов, существующих постоянно, или, по крайней мере, очень долгое время как некий постоянный принцип культуры»¹. Концепт «дождь» есть результат многовекового познания и практического использования американским испаноязычным этносом реально существующего в природе явления «дождь».

Значимость и актуальность концепта «дождь» для латиноамериканских народов обусловлены прежде всего природно-климатическими условиями проживания этих народов и важностью данного атмосферного феномена для их практической и, в частности, сельскохозяйственной деятельности. Будучи единицей национальной концептосферы, концепт «дождь» сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические особенности латиноамериканской испаноязычной лингвокультуры. Считается, что чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, исторический опыт, религиозная традиция, тем богаче концептосфера народа.

В современной когнитивной лингвистике в большинстве исследований фигурируют, как правило, концепты с логической доминантой и номинированные конкретной или абстрактной лексикой концепты. В то же время недостаточно изучена проблема культурного варьирования концептов с перцептивно-образным ядром. Такие концепты не так часто привлекают внимание исследователей, однако они не менее интересны в плане отражения в них лингвокультурной специфики. Особый интерес концепты такого типа могут, по нашему мнению, представлять в случае их вербализации в текстах художественных произведений. Здесь они обладают набором характеристик, явно выделяющих их из совокупности остальных культурных концептов.

Культурные концепты в текстах художественных произведений преломляются сквозь призму авторского мировоззрения, приобретая специфический ракурс. Писатели трансформируют функционирующий в лингвокультурном сообществе концепт, дополняют, актуализируют или варьируют те или иные его характеристики. По словам С.А. Аскольдова, художественный концепт есть «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений». Это мыслительное образование, которое не имеет жестко детерминированной связи с реальной действительностью². Составляющие художественного концепта объединяются в единое общее представление благодаря авторским ассоциативным связям, внутренне присущим ему или сопутствующим, подразумевающимся, т.е. носящим адгерентный характер. Н.Ф. Алефиренко считает,

что художественная ценность таких концептов находится в прямой зависимости от адгерентно-ассоциативных механизмов их структурирования (культурных, исторических, фольклорных, психотэтических и т.п.)³. Художественный концепт всегда информативно и художественно богаче концепта-универсалии, являющегося общим для всех носителей языка ментальным конструктом, и ориентирован на эстетическую информацию.

Анализ работ ряда исследователей (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.), признающих доминантное значение ценностного компонента концепта, позволил прийти к выводу о возможности рассмотрения художественных концептов как трехмерных образований, включающих предметно-образную, понятийную и ценностно-оценочную составляющие⁴.

Цель нашего исследования – выявление и описание некоторых особенностей образной составляющей художественного концепта «дождь» в испаноязычных прозаических произведениях. В качестве исследовательского материала путем сплошной выборки из произведений авторов «магического» реализма в латиноамериканской литературе XX в. (Miguel Angel Asturias, Gabriel Garcia Marquez, Mario Vargas Llosa, Juan Rulfo, Carlos Fuentes, Ernesto Sabato, Marcela Serrano и др.) нами были отобраны 220 текстовых фрагментов объективации концепта «дождь».

Наличие образного слоя – один из важнейших признаков концепта. С точки зрения Н.Ф. Алефиренко, образ – первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление. В контексте языкового сознания он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. Образная составляющая концепта – это все образные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и т.п.) характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в памяти носителей той или иной лингвокультуры⁵.

Образная составляющая художественного концепта «дождь» образует ядро данного концепта. Образ кодирует концепт в сознании человека и обеспечивает наиболее легкий доступ к его содержанию, составляя его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть⁶. В отличие от понятийной составляющей, она неполностью поддается рефлексии, поскольку анализ образов, закрепленных в авторских текстах, неразрывно связан с мифологическим сознанием.

Образ дождя в корпусе исследуемых художественных текстов интерпретируется нами по зрительным, цветовым, вкусовым, тактильным, слуховым и обонятельным параметрам, связанным с восприятием через ощущение.

Визуальные характеристики

Образ дождя в латиноамериканской литературе часто воспринимается зрительно, когда персонаж произведения видит дождь, идущий на улице или за окном. В исследуемых текстах это действие в большинстве случаев передается глаголами «видеть» (*ver*) и «смотреть» (*mirar*), а также лексемами, относящимися к тому же лексико-семантическому полю и носящими уточняющий, оттеночный характер: наблюдать (*observar*), различать (*distinguir*), созерцать (*contemplar*), замечать (*percibir*), выявлять (*descubrir*) и т.п. В латиноамериканской художественной литературе визуальному восприятию этого атмосферного явления отводится особая роль, так как дождь способен производить на человека завораживающий, гипнотический эффект своей продолжительностью и монотонностью, лишая дара речи, или, наоборот, поражать взор внезапностью: «Contemplaron la lluvia en silencio durante un largo rato» (Asturias, p. 130)⁷. Кроме того, изображая героя, созерцающего дождь, автор передает его настроение, ход мыслей и чувств: «Miro la lluvia, feroz la lluvia en mi ventanal y por primera vez pienso que llegara el verano y yo sere una mujer enferma» (Serrano, p. 33). Дождь, идущий за окном, не может привлечь внимание, поэтому часто созерцание этого явления используется как предлог для паузы в нежелательной или наскучившей беседе с целью сменить тему или обдумать что-либо: «Ella me dirigió una mirada silenciosa, tan larga que temí que nuestra conversación acabara allí. Luego se volvió hacia la lluvia que golpeaba en los cristales» (Sabato, p. 197).

У большинства авторов процесс «видения» дождя приобретает эмоционально-негативные характеристики: это и отсутствие видимости, и раздражающая расплывчатость пейзажа, и вид, вызывающий грусть, скуку, беспокойство, отчаяние и даже внушающий ужас: «Su figura era botrosa como si entre ella y él se interpusiera la lluvia» (Rulfo, p. 44); «No era maldad sino miedo. Estaban aterrados con tanta lluvia» (Llosa, p. 77). Лишь в редких случаях созерцание этого погодного явления имеет эмоционально-положительную окраску: «Fulgor Sedano sintió el olor de la tierra y se asomó a ver cómo la lluvia desfloraba los surcos. Sus ojos pequeños se alegraron» (Rulfo, p. 29). Визуальный образ дождя в исследуемых текстовых фрагментах кодируется образами воды, капель, ручьев, струй, потоков, низвергающихся с неба, образами капель, скользящих по стеклу, рек воды, потопа, образами луж и пузырей: *agua, gotas, regueros, chorros, corrientes, cataratas, caídos del Cielo, gotas deslizando por los cristales, torrentes, borrasca, rios de agua, diluvio, charcos, burbujas*. Кроме того, зрительный образ дождя (*lluvia*) соотносится с некоторыми его синонимами, имеющими, помимо прочих, непосредственно визуальные различия: проливной дождь (*aguacero, lluvia torrencial*), ливень (*chaparron, chubasco*), короткий ливень (*nube de*

verano, turbion), частый дождь (*lluvia densa*), мелкий дождь (*lluvia menuda, calabobos, matapolvo*), слепой дождь (*lluvia con sol*), обложной дождь (*lluvia continua, duradera*), морозящий дождь (*llovizna*), дождь с ветром (*aguaviento*), дождь со снегом (*aguanieve, cellisca*) и т.п.

Цветовые характеристики

В анализируемом корпусе художественных текстов категория «цвет дождя» поражает воображение разнообразием оттенков данного атмосферного феномена. Как следует из обзора дефиниций, зафиксированных в толковых и энциклопедических словарях испанского языка, дождь – «атмосферные осадки, выпадающие в форме капель **воды**...». Однако, несмотря на восприятие воды обыденным сознанием как вещества, не имеющего цвета, латиноамериканские авторы используют для описания дождя иные цветовые ассоциации. Дождь предстает в общей палитре от темного (*pardo, oscuro*), черного, как ночь, как земля, как бархат (*luz de la noche, negro de tierra, negro como terciopelo*), до серебряного, платинового, опалового (*plateado, claridad de opalo, de plata, luminoso*), включающей также фиолетовый (*violaceo*), красный (*rojizo, rojo como el fuego, de escarlata*), желтоватый (*amarillento*), голубой (*azul*) и все оттенки серого (*tonos plomizos, color acero, gris oscuro, un manto de plomo, grisaceo opaco, tiniebla gris*). По результатам анализа именно серый цвет во всех его проявлениях, блестящий (исходя из физических свойств дождя как воды) или матовый (если дождь описывается как исключительно внешнее проявление, а человек позиционируется вне пределов его досягаемости), является доминирующим в создании образа дождя в исследуемых текстовых фрагментах. Серый, а также черный цвета способствуют созданию определенного настроения в повествовании, в большинстве случаев негативно влияя на эмоциональное состояние человека, вызывая у него грусть, апатию, тоску, тревогу, страх: «Aquel invierno llovio casi todos los días, lluvia negra. Ella empezó a temer que había venido a aquella ciudad a morir de frío, de miseria y de olvido» (Serrano, p. 89). Цветовизуальный образ дождя наиболее ярко реализуется в исследуемом корпусе текстов в образах серого и черного пространства (*espacio negro y gris*), серо-черной сферы (*esfera grisacea, negruzca*), серого мрака (*tiniebla gris*), тенью серого света (*sombra de luz gris*), свинцово-черной темноты (*oscuridad negra plomiza*), матового опалового сияния (*aureola satinada de opalo*) и т.п.

Слуховые характеристики

Звуковой образ дождя в выбранных для анализа фрагментах художественных текстов соотносится с образом общего шума, производимого данным природным явлением. Шум дождя воспринимается и репрезентируется художниками слова своеобразно и обладает различными оттенками и нюансами, в зависимости от вида дождя и его интенсивности, типа объекта, не-

посредственно на который оказывается физическое воздействие дождем, а также ситуативно-эмоционального контекста. Так, дождь может звучать монотонно, шикать, шептать, журчать, бормотать, производить неясный гул, издавать треск и хруст, шорох и шелест (*sonar monotono, el siseo de la lluvia, susurrar, murmurar, musitar, ruido sordo, rumor atareado, producir crujidos, estrepito, susurro*). Он стучит по крыше (*el rumor de la lluvia en los tejados*), бьется в стекла и о стены (*el golpear en los cristales; una onda gruesa chocando con las paredes*), выстукивает барабанную дробь, звонко шлепает и хлопает по лужам и листьям деревьев (*el repiqueteo de la lluvia en los charcos, el chapoteo en las hojas de los arboles*), бурлит и клокочет в водостоках (*los caños borbotaban, hacian espuma, rios de agua hirviendo*).

Шум дождя может оказывать на человека эмоционально-положительное воздействие, успокаивая его, усыпляя монотонным звуком, напоминаям стрекотание сверчков или тиканье часов, служит звуковым фоном для размеренного течения мысли или беседы, «песня воды» (*cancion del agua*) пробуждает приятные воспоминания, отгораживает от внешнего мира, создавая ощущение безопасности, уюта: «En el cuarto de Melquíades protegido por el ruido de la lluvia, por la sensación de ser invisible, encontré el reposo que no tuvo un solo instante de su vida anterior» (Marquez, p. 129); «Se levantaban, apagaban la luz. Sólo quedaba la luz de la noche, el siseo de la lluvia como un murmullo de grillos...» (Rulfo, p. 17).

Вместе с тем шумовые эффекты дождя способны вызывать у людей диаметрально противоположные эмоции: звук дождя мешает спать, резко будит, оглушает, воспринимается как град пуль или как рычание дикого зверя, вызывает ужас: «La lluvia les agarro dormidos. Pero estaban despiertos, oyendo los riendazos del cielo, la bravencia de los truenos. El agua entro a los ranchos, las mujeres, hasta dormidas le tenían miedo a la tempestad» (Asturias, p. 51). Примечательно, на наш взгляд, отождествление некоторыми авторами шума дождя с одной из форм проявления тишины, молчания: «Acostumbrado al ruido de la lluvia, que a los dos meses se convirtió en una forma nueva del silencio» (Marquez, p. 130).

Тактильные характеристики

Тактильный образ дождя в латиноамериканском романе XX в. по сравнению с его визуальными и звуковыми образными характеристиками представлен более однородно. Он репрезентируется только образным признаком физического воздействия холодом и/или холодной водой (сыростью, влажностью) различной степени интенсивности: *la lluvia fria, el agua fria, los primeros frios y lluvias, frios de humedad, humedo y helado*. При анализе текстовых фрагментов нами не было обнаружено ни одного упоминания о дожде, кодированного образом тепла, теплой воды. Такое единообразие в объективации осязательных пара-

метров данного атмосферного явления связано с природно-климатическими особенностями стран Латинской Америки, жители которых обычно говорят, что время у них измеряется дождями (*el tiempo medido por las lluvias*). Есть только два времени года: «сухой» сезон и сезон дождей, когда в течение нескольких дней и даже недель идут сильные ливни с порывистым ветром или обложные дожди. В зависимости от климатической зоны сезон дождей может сопровождаться холодами, которые приносят южный шквалистый ветер и ледяные порывы ветра с пампасов: «El viento del sur fue aumentando su intensidad a medida que llovía, trayendo ese frío cortante y seco» (Marquez, p. 75). Зимой, в сезон дождей, люди на несколько месяцев могут оказаться в изоляции («muchos de los cuales se hallan tan aislados, sobre todo en período de lluvias, que el único medio funcional de transporte es el aéreo» (Llosa, p. 51)), так как из-за непрерывных дождей и мокрого снега дороги делаются грязными и непроходимыми («Comenzaron los primeros días fríos, las lluvias y el barro» (Allende, p. 86)). Они вынуждены страдать от ледяного, мокрого ветра и холодного дождя, проводить сезон дождей в простудах и пневмониях («Pasaba la estación de las lluvias moquillando» (Allende, p.90)), дрожать от холода по ночам, когда промозглая сырость пробирает до костей («Aquel invierno llovía mucho, y por las noches temblaba de frío entre las sábanas de su cama, defendiéndose de la heladas con bolsas de agua caliente y chales de lana» (Serrano, p. 88)). Следствием такой специфики восприятия, обусловленной климатическим фактором, является эмоционально-негативный оттенок, присущий в большинстве случаев тактильному образу дождя: «Esteban se sintió oprimido. Odiaba esa ciudad mucho más de lo que recordaba, el tiempo medido por las lluvias, la vasta soledad» (Allende, p. 54). Эмоционально-положительную окраску осязательный образ дождя приобретает лишь в двух фрагментах текстов, где речь идет о дожде в раскаленной пустыне и дождях и холодах, несущих спасение от последствий летней засухи: «La frescura del aire y el rumor atareado de la lluvia me despertaron. Corri desnudo a recibirla. Declinaba la noche; bajo las nubes amarillas la tribu, no menos dichosa que yo, se ofrecía a los vivos aguaceros en una especie de éxtasis» (Borges, p. 4).

Характеристики, воспринимаемые обонянием

Дождь в произведениях латиноамериканских романистов, помимо звука и цвета, всегда наделяется запахом. Обонятельный образ дождя чаще всего соотносится с образными признаками свежести, прохлады, влажного воздуха: *la humedad fresca, limpia, la frescura del aire*. Запах дождя всегда сильный, насыщенный (*el aroma intenso, olores fuertes de la lluvia*), он заглушает все остальные ароматы или усиливает их, смешивая с влагой: «Todo, hasta el cielo azul que acababa de brotar del caos de las nubes, tenía un aire de juventud y de frescura; El perfume de la lluvia no podía ocultar

la escultura de esta tierra» (Fuentes, p. 51). Это и аромат влажной пыли, мокрой земли после дождя, запах полей с зарождающимися всходами маиса, густой аромат мокрого сада поросшего жасмином или тропического леса после внезапного ливня: «Hacia un viaje a la verdadera humedad en el olor a tierra limpia, a tierra buena» (Serrano, p. 90); «Después de la subita lluvia se sentía el intenso perfume a jazmín del país» (Fuentes, p. 51).

Запахи дождя заставляют человека дышать с удовольствием, полной грудью, пробуждают у него приятные эмоции и воспоминания: «Miraba caer las gotas iluminadas por los relámpagos, y cada que respiraba pensaba en ti» (Rulfo, p. 43). Дождь может восприниматься как стихийное бедствие, и тогда его запах приобретает эмоционально-отрицательный оттенок, ассоциируясь с духом сырости, затхлости, гниения: «Cuando llovía durante muchos días, se producía una pestilencia insostenible de la corrupción del agua» (Asturias, 18).

Вкусовые характеристики

Согласно результатам исследования, вкусовой образ дождя в корпусе текстов отсутствует, что, по нашему мнению, может быть обусловлено наивным восприятием воды как «прозрачной бесцветной жидкости, не имеющей запаха и вкуса», и переноса некоторых свойств воды-вещества на воду-стихию (в нашем случае – на дождь). Исключение составляет единственный пример объективации вкусового образного признака этого явления природы, когда запах дождя и мокрой земли становится для земледельца вкусом собственно дождя, которым он с удовольствием упивается: «Fulgor Sedano sintió el olor de la tierra y se asomó a ver cómo la lluvia desfloraba los surcos. Sus ojos pequeños se alegraron. Dio hasta tres bocanadas de aquel sabor y sonrió hasta enseñar los dientes» (Rulfo, p. 29).

В образной системе латиноамериканской прозы образ дождя, кроме непосредственных, предметно-образных форм отражения (визуальных, тактильных, слуховых и пр.), связан с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы, свидетельствующие о своеобразии индивидуально-авторского восприятия дождя. Так, метафорически дождь концептуализируется образами живого существа, враждебного существа, разрушения, возрождения, болезни, смерти, спасения, помехи/препятствия, блага, обилия/множества. Персонификация дождя репрезентируется его антропоморфными характеристиками. Дождь, подобно живому существу, может двигаться (*desplazarse*), входить и уходить (*salir, entrar*), внезапно появляться (*aparecer subitamente*), бежать (*correr*), торопиться (*apurarse*), падать (*caer*), быть сильным и слабым (*ser fuerte/debil*), издавать звуки (*producir sonidos, ruido*), молчать (*callar*), дышать (*respirar*), принимать решения (*tomar decisiones*), будить (*despertar*), прятать и находить (*esconder, hallar*), кормить (*alimentar*),

помогать (*ayudar*), он обладает чувственными и умственными способностями.

Часто в латиноамериканском романе дождь предстает в образе враждебного существа, и тогда он, подобно дикому зверю, рычит, царапается, срывается с цепи (*rugir; arañar; desencadenarse*); дождь испытывает приступы бешенства (*sentir ataques de rabia*), угрожает (*amenazar*), бьет (*golpear*), хлещет (*azotar*), ломает (*romper*), разрезает (*cortar*), ослепляет и оглушает (*cegar; ensordecer*), расправляется, ранит и побеждает (*castigar; herir; vencer*).

Образ обилия/множества коррелирует с одноименным когнитивным признаком концепта «дождь»: «Machójón agachó la cabeza para esconder la cara de aquella lluvia de insectos luminosos. Las luciérnagas le golpeaban su sombrero de petate» (Asturias, p. 41). Концептуальный признак «обилие/множество» был выделен нами на основе переносного значения лексемы «дождь» (*fig. Muchedumbre, abundancia momentanea e inesperada*: перен. скопление, множество, мгновенное и неожиданное обилие) по результатам анализа всех значений этой лексической единицы в корпусе толковых и энциклопедических словарей современного испанского языка, для последующего описания предметно-понятийного компонента данного концепта.

Образ дождя нередко ассоциируется с возрождением, спасением и в то же время с болезнью, смертью. Он может подарить жизнь, вернуть ее или спасти, но также подвергнуть жизнь риску или даже отнять ее: «La esperanza de que alguna vez caera una gota de lluvia que aliviara la opriente aspereza de ese valle» (Asturias, p. 135); «La colocación del ataúd e instalación de la lápida dio motivo a nuevas efusiones de sentimiento y dolor por su cruenta partida, cuando sobrevino una súbita lluvia, como si el cielo hubiera querido de pronto asociarse al duelo» (Llosa, p. 151).

Дождь воспринимается как благо для природы и человека, но он может нести ущерб, разрушение, хаос, препятствовать человеческой деятельности и выступать в образах помехи, разрушительной стихии: «Será cuando escampe. Mientras dure la lluvia, suspendemos toda clase de actividades» (Marquez, p. 127).

Кроме метафорических образов, образ дождя в латиноамериканском романе эксплуатируется авторами в виде традиционных символических об-

разов: плодородия, божественного благословения и кары небесной («Estaban aterrados con tanta lluvia y creyeron que con el sacrificio Dios aplazaría el fin del mundo» (Llosa, p. 77); «Las lluvias de otoño y primavera habían caído regularmente y las espigas anunciaban una prieta granazón» (Rulfo, p. 8)).

В заключение отметим, что художественный концепт «дождь» в произведениях латиноамериканских писателей XX в., работающих в направлении магического реализма, действительно, имеет четко выраженное образное содержание. Согласно результатам анализа текстовых фрагментов, в составе образного компонента данного концепта доминирует метафорические – визуальный и слуховой – образы, наиболее ярко отображающие богатство и оригинальность индивидуально-авторских представлений и ассоциаций; тактильный и обонятельный образы обладают более однородной репрезентацией; наименее выражен вкусовой образ концепта «дождь»; зафиксированы случаи воплощения образа дождя посредством традиционных мифологических и религиозных образов-символов.

Примечания

- 1 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 19.
- 2 Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 268.
- 3 Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С. 58.
- 4 См.: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2002.
- 5 Алефиренко Н.Ф. Указ.соч. С. 59.
- 6 Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. С. 26.
- 7 В статье примеры приводятся из следующих произведений латиноамериканских авторов: *Allende I.* La casa de los espíritus. Barcelona, 1999; *Asturias M.* Hombres de maíz. Madrid, 2003; *Fuentes C.* Instinto de Ines. Barcelona, 2002; *Llosa M.* Pantaleon y las visitadoras. Lima, 1982; *Marquez G.* Cien años de soledad. La Habana, 1986; *Rulfo J.* Pedro Paramo. Mexico, 1981; *Sabato E.* Sobre heroes y tumbas. Buenos Aires, 2001; *Serrano M.* Para que no me olvides. Santiago de Chile, 1996.